

Похоже, всё наконец-то утряслось и встало на свои места.

— Её удочерили.

Сатору Годзё лениво, словно лишённый костей, растянулся на журнальном столике неподалеку и пересказывал Кавеху новости о Рико Аманаи.

Счастье в понимании Рико было простым: обычная, размеренная жизнь, никак не связанная с миром магов, наполненная семейным теплом. Но если вспомнить, какие невзгоды сыпались на неё с небес, сама возможность получить такую судьбу и спокойно встретить старость уже казалась невероятным везением.

Никто не мог поручиться за то, как сложится её будущее в долгосрочной перспективе, и потому Сатору подошёл к первому шагу со всей ответственностью.

— Я попросил подыскать для неё хорошую семью, — Сатору перекатился по полу и уткнулся лбом в колени Кавеха. — Рико сама во всём убедилась и согласилась. Думаю, у неё всё будет благополучно.

— Ну разве это не замечательно? — Кавех ласково улыбнулся и погладил Сатору по голове. — Если будешь переживать, всегда можешь навестить к ней в гости.

— Угу, обязательно~

Если для Рико Аманаи преломлением счастья стала тихая семейная жизнь, то для него самого...

Сатору украдкой скользнул взглядом по Кавеху, а затем оглядел комнату.

«Если всё останется так, как сейчас... мне этого хватит за глаза. Это и есть настоящее счастье».

Выходит, даже божественное дитя, благословенное Шестью Глазами, готово смиренно принять простое человеческое счастье? Впрочем, если отбросить в сторону его великое предназначение и колоссальную мощь, по характеру и уму он оставался лишь немногим взрослее своих сверстников. И подобное мирное течение дней было для него самой естественной, правильной нормой.

Он по-прежнему вовсю проказничал, доводя окружающих до белого каления.

Умело ластился, капризничал и мастерски увиливал от любой ответственности.

Если присмотреться, он всё ещё оставался сущим ребёнком.

— Ой-ой, не виделись всего пару дней, а ты уже регрессировал до уровня слайма? — Сюдзи Цусима опустил на корточки и, передразнивая жест Кавеха, бесцеремонно взъерошил белую макушку Сатору.

На этот раз Годзё не стал включать Безграничность. Сюдзи действовал молниеносно: запустил пальцы в густую белоснежную шевелюру и принялся хаотично её взбивать, пока от статического электричества пряди не встали дыбом, превратившись в пушистый одуванчик.

Настоящий заплесневелый слайм.

Разумеется, терпеть такое святотатство Сатору не собирался. Он резко извернулся, пытаясь вклеить шутнику затрещину.

Но Цусима ловко уклонился.

Захихикав, Сюдзи юркнул за спину Сакуносукэ Оды и вызывающе показал Сатору язык.

Ода стоял непоколебимо, словно скала, позволяя этим двоим разыгрывать вокруг себя комедию с весёлыми догонялками, пока у гиперактивных мальчишек наконец не кончился запал.

— О, это твоя новая книга? — полюбопытствовал Сюдзи, заглядывая через плечо Оды на чистые, едва тронутые чернилами листы рукописи.

— Да, — негромко отозвался Одасаку. — На этот раз хочется написать историю о проклятых духах и юношах.

Намёк был более чем прозрачным.

Возможно, Одасаку и не планировал когда-либо публиковать эту повесть. Она, подобно двум картинам на стене, горам сладостей в углах, разбросанным повсюду антисептикам и давно отремонтированному уютному дому, была его личным способом сохранить память о пережитом. Пусть сам он редко вмешивался в происходящее, ему часто доверяли сокровенные мысли.

— Они очень храбрые мальчишки, — добавил Ода, мягким движением разглаживая вставшие дыбом волосы Сатору, точно умиряя взъерошенного кота.

— Ещё бы! — самодовольно фыркнул Сатору.

Он искренне считал себя самым смелым, умным и сильным человеком во вселенной. Ему ведь хватило ума отыскать это чудесное убежище, оставив далеко позади все мрачные и тоскливые невзгоды прежней жизни.

Годзё вытянул шею, силясь разглядеть написанное.

Как оказалось, финал истории Ода набросал гораздо раньше, чем успел продумать завязку.

На листе красовалась строчка:

* «Одoleв злого духа, юноши крепко обнялись в лучах восходящего солнца».*

Какая простая истина. И какое тёплое благословение.

— Ну ты и хитрый... Одасаку, — пробормотал Сатору.

Если кто-то упорно не желает раскрывать душу, нужно просто опередить его и подарить ему доброе пожелание. Одасаку делал это неосознанно, изо дня в день. Да и кто в здравом уме откажется от столь бесценного дара? Уж точно не те, кто нашёл приют под этой крышей.

«Если бы не они... Впрочем, неважно. Без них моя жизнь точно не стала бы лучше».

Сатору мысленно сдался.

Хотя, по правде говоря, оружие он сложил уже очень давно.

Кавех с мягкой улыбкой наблюдал за ребятами.

Внезапно в его памяти всплыл вчерашний разговор с Аль-Хайтамом.

— Хочешь сказать... наше время в этом мире сочтено? — этот вопрос в один миг развеял безмятежную радость, которой Кавех упивался последние дни.

— Да, — невозмутимо подтвердил Хайтам, слегка отведя взгляд.

Аль-Хайтам знал об этом давно — пожалуй, ещё с тех пор, как вернулся из иного временного витка.

Он намеренно дожидался момента, когда все проблемы утрясутся. Расскажи он раньше, Кавех не смог бы утаить тревогу, и всеобщий покой был бы нарушен.

Хотя сейчас ситуация была немногим лучше.

Хайтам искоса глянул на Кавеха.

Тот опустил голову, погрузившись в тяжёлые думы. С этого ракурса Хайтаму была отлично видна гамма противоречивых чувств, отражавшаяся на его лице. Осознать подобную правду было нелегко.

«Впрочем, мы с самого начала знали, что вернёмся домой».

Аль-Хайтам прикрыл глаза, мысленно просчитывая дальнейшие шаги: нужно было уладить вопросы с документами для детей и обеспечить им безбедное существование.

Молчание Кавеха было вполне объяснимым.

Их узкие тропинки когда-то случайно переплелись, превратившись в широкую общую дорогу, но у самого финиша одна из них неизбежно уводила в сторону.

Те, кто останутся, будут скорбеть.

Но и уходящим будет не легче.

— Неужели мы не можем остаться? — выпалил Кавех под влиянием минутного порыва, но тут же прикусил язык.

Разве смог бы он навсегда отречься от своего прошлого, от родины, от воспоминаний и старых друзей ради того, чтобы затеряться в этом чужом мире?

Он оказался на распутье.

И всё же неотвратимость выбора приносила странное, едва уловимое облегчение — по крайней мере, он покинет этих детей не по собственной воле.

«Как же эгоистично с твоей стороны, Кавех».

Он крепко сжал кулаки, мысленно ругая себя за столь малодушные мысли, пусть даже они были вполне естественны для любого человека.

Аль-Хайтам внимательно следил за тем, как пальцы архитектора судорожно сжимались, и лишь когда тот наконец расслабил ладони, понял: Кавех справился с внутренним раздором.

— Нужно будет выбрать время и поговорить с ними, — вздохнул Кавех, вновь хмурясь от накативших забот. — Боюсь, стоит нам исчезнуть, как на их головы опять посыплются какие-нибудь несчастья, вроде тех диких происшествий.

— Доверься им, — негромко отозвался Хайтам.

Возможно, бывшие успехи дарили ему уверенность в том, что даже после их ухода ребята не растеряются и останутся крепкой семьёй.

Каким бы туманным ни казалось грядущее, Хайтам не сомневался: мальчишки справятся. Они будут поддерживать друг друга, вырасти, менять мир к лучшему и жить полноценной жизнью — достаточно яркой, чтобы со временем заглушить горечь расставания.

Вот только Кавех краем глаза заметил, что этот невозмутимый умник держит книгу вверх ногами.

На этом воспоминание оборвалось. Наверное, им предстояло ещё не раз обсудить неизбежное перед самым уходом.

«Какая жалость, что я тогда не съездив по этому поводу».

Упустить такую редкую возможность поддеть Хайтама было непростительно.

Убедившись, что детвора прекрасно увлечена игрой, Кавех решил не мешать им. Сегодня ему непременно нужно было поговорить с ещё одним подопечным.

Раньше он полагал, что спешить некуда.

Теперь же внезапно осознал, что драгоценные минуты тают на глазах.

Оглядываясь по сторонам, он приметил за углом край белого одеяния — длинный подол мелькнул на мгновение и тут же скрылся из виду.

Большую часть времени Фёдор действительно напоминал пугливого хомяка: бесшумно утаскивал к себе припасы, исчезал, а затем так же незаметно возникал из ниоткуда.

Кавех поднялся со своего места и мягко последовал за ним.

Фёдор выбрал себе небольшую комнату в южном крыле дома — уединённую и тихую, что вполне отвечало его нелюдимому характеру.

Услышав за спиной шаги, мальчик лишь обернулся через плечо. Поняв, что его преследует излишне заботливый старший опекун, он молча продолжил путь, распахнул дверь и негромко произнёс:

— Проходите, пожалуйста.

Фёдор вежливо предложил гостю присесть.

Он давно догадывался, что подобного разговора не избежать. Кавех, в отличие от бесстрастного Аль-Хайтама, обладал слишком чутким сердцем и вечно обо всём переживал.

По сравнению с остальными ребятами Фёдор обладал незаурядной проницательностью. Он прекрасно осознавал собственную инаковость, а замечая мелкие проявления заботы со стороны Кавеха, понимал, что пользуется у того особым вниманием.

«И что же вы мне скажете?»

Мальчик почувствовал лёгкий укол любопытства.

Кавех заговорил, отчаянно пытаясь казаться непринуждённым, хотя его бегающий взгляд выдавал крайнее волнение. Он не стал расспрашивать Фёдора о прежней жизни, лишь мягко поинтересовался, успел ли тот освоиться на новом месте.

— Вы очень внимательны, — отозвался Фёдор.

— Да нет, что ты...

— Всё хорошо. Я уже привык.

Мальчик отвечал вежливо и отстранённо.

— Я имею в виду... — Кавех набрал в грудь воздуха, собираясь с духом. — Тебе нравится здесь? Приносит ли радость эта простая, тихая жизнь?

Фёдор на мгновение задумался, опустив ресницы.

«Для меня подобные дни — непозволительная, немислимая роскошь».

В конце концов, его собственная семья просуществовала всего несколько лет, прежде чем он сам же её и разрушил.

Понимая, что эти недомолвки лишь затянут разговор, Фёдор решил ответить прямо и серьёзно.

Но Кавех опередил его.

— Мне очень дорог этот уют, — Кавех заговорил с такой искренней, обезоруживающей теплотой, словно готов был вынуть собственное сердце и положить его перед мальчиком. — Стоит мне увидеть вас всех вместе, как на душе становится тепло.

Кавехом овладело непреодолимое желание открыться перед мальчиком.

— Моё детство сложно назвать счастливым. Долгие годы я пытался заглушить ту старую боль, совершая кучу глупостей, и со временем это вошло в привычку, от которой я так и не сумел избавиться. Но я искренне рад, что вы не повторите моих ошибок. Рядом с вами я впервые почувствовал, что у меня есть настоящий дом.

Кавех знал о прошлом Фёдора — Аль-Хайтам рассказал ему по секрету от остальных.

Оступившийся, запутавшийся в собственных идеалах ребёнок.

К счастью, его успели спасти.

Глядя на мальчика, Кавех на мгновение словно увидел в нём собственное отражение, но тут же отогнал это наваждение.

И всё же они были разными: Кавех вырос в не слишком зрелого взрослого, а Фёдор, несмотря на весь свой недетский ум, оставался хрупким, ранимым подростком.

Фёдор на мгновение растерялся.

Русская душа привыкла прятать глубокие чувства за внешней сдержанностью. Он мог просчитать любые слова Кавеха наперёд, но столкнувшись с такой обезоруживающей искренностью лицом к лицу, ощутил странное смятение.

Впрочем, он быстро совладал с собой. Собрав мысли воедино, Фёдор опустил глаза и уставился на свои ладони, бережно сжимая в пальцах невидимую нить разговора.

Если бы он мог ответить прямо сейчас, то непременно сказал бы:

— Я тоже очень рад, что встретил вас. Вас и господина Аль-Хайтама.

Он не раз думал о том, какая судьба ждала бы его, не окажись этих людей рядом. Скорее всего,

поддавшись слепой вере в собственное предназначение, он вошёл бы в ту глухую, тесную дверь, за которой скрывалось лишь вечное самоотречение — жестокое и удушающее. Шагни он туда, его финал был бы предрешён, а совершённые грехи заволокли бы небо беспросветной тьмой.

И потому случившееся можно было назвать величайшей удачей. Он радовался тому, что обрёл долгожданную внутреннюю свободу.

Самое главное уже было произнесено вслух.

А всё остальное скрылось в тёплой, понимающей тишине.

<http://bllate.org/book/18256/1755749>